

ЭО, 2010 г., № 3

© В.Н. Буркова, Ю.Н. Феденюк, М.Л. Бутовская

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ
И ОСЕТИН)***

Ключевые слова: пространственное поведение, индивидуальная дистанция, ориентация тела, тактильные контакты, кросскультурные различия пространственного поведения, гендерные различия пространственного поведения, возрастные различия пространственного поведения

Пространственное поведение – неотъемлемая часть повседневной активности человека, сопряженная с контактами между людьми. Оно описывается в категориях двух основных феноменов: персонального пространства и территориальности (Бутовская 2004: 224). Персональное пространство выполняет две основные функции: защитную и коммуникационную. Оно расширяется и сужается как в зависимости от ситуационных условий, так и в зависимости от индивидуальных различий (культура, пол, возраст и личные особенности) (Бутовская 2004: 227). Персональное пространство – это невидимая граница, которая регулирует, насколько близко мы взаимодействуем с другими людьми (Hall 1959, 1963).

Индивидуальная дистанция – это среднее минимальное расстояние, на которое индивид подпускает к себе любого другого индивида. Этот параметр – один из центральных среди других параметров пространственного поведения человека и связан с его индивидуально-психическими характеристиками (Altman, Chemers 1980). Дистанция, на которую индивид допускает к себе других, отражает структуру его социальных связей в группе (Бутовская, Плюснин 1995). Предпочтение проявляется в пространственной близости, а избегание – в поддержании максимальной дистанции и сведении к минимуму тактильных контактов. Индивидуальная дистанция определяет количество и качество стимулов, которыми обмениваются партнеры (тактильные контакты, контакт глаз и др.), а также качество их взаимоотношений (Hall 1963).

Пространственное поведение тесно связано с проявлением агрессии у человека (Буркова, Бутовская 2008а: 132; 2008б: 120). Согласно этологическим представлениям, персональное пространство функционирует на подсознательном уровне и формируется под влиянием эволюционных процессов, контролирующих агрессию. Персональное пространство позволяет оптимальным образом защитить себя от влияния окружающих и снизить по возможности стрессовое воздействие нежелательных контактов (Evans, Howard 1973). Г.А. Тлегенова в своей работе показала, что группы агрессивных и неагрессивных юношей достоверно различаются по расстоянию, которое они спонтанно выбирают в разговоре с сокурсником: агрессивные юноши достоверно чаще общаются на более близкой дистанции (Тлегенова 1990).

Валентина Николаевна Буркова – младший научный сотрудник, аспирант Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: m.burkova@rambler.ru

Юлия Николаевна Феденюк – соискатель Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: fedenok@list.ru

Марина Львовна Бутовская – профессор, доктор исторических наук, заведующая сектором кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: m.butovskaya@rambler.ru

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 07-06-00078а) и в рамках проекта “Кросскультурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности” Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Помимо лиц, ведущих себя доминантным образом, близкую дистанцию стараются поддерживать также люди, ощущающие потребность в аффилиации и социальной зависимости (*Kline et al.* 1984; *Mehrabian, Diamond* 1971). В нашем исследовании, проведенном среди российских детей и подростков, мы обнаружили, что индивиды, общающиеся на меньшей дистанции со сверстниками, воспринимаются ими как более агрессивные, доминантные. Это происходит вследствие того, что агрессивные и доминантные индивиды подходят к собеседнику на более близкое расстояние, тем самым вторгаясь в личное пространство другого человека, что и вызывает у собеседника чувство дискомфорта. Неудивительно, что они описывают потом своих собеседников как агрессивных и доминантных. Напротив, индивиды с ярко выраженным неагрессивным поведением (“пугливым”), как правило, сами стараются держаться подальше от всех возможных конфликтов (и их последствий), добиваясь этого с помощью избегания, т.е. увеличивая дистанцию общения с собеседниками (*Буркова, Бутовская* 2008б: 133–135). Эти данные подтверждаются и результатами, полученными Дж. Хаммесом: люди с высоким уровнем тревожности бояться различного вида угроз от окружающих и “на всякий случай” увеличивают дистанцию (*Hammes* 1962).

Впервые о структурировании персонального пространства заговорил американский антрополог Э. Холл. Он провел наблюдения в различных культурах и пришел к выводу, что культурные различия персонального пространства действительно существуют и обусловлены культурно-специфическими нормами общения (*Hall* 1963). На основе кросскультурных исследований Э. Холл выделил так называемые “контактные” (открытые) и “неконтактные” (закрытые) культуры. В первой категории при взаимодействии индивидов более значимы ольфакторные (обоняние) и тактильные контакты, более прямая ориентация тела, более близкое расстояние между индивидами (страны Средиземноморья, арабские и латиноамериканские страны).

Напротив, в “неконтактных” культурах общение осуществляется на большей дистанции (Северная Америка, Северная Европа, Юго-Восточная Азия и Дальневосточные страны). Гипотеза Холла получила в дальнейшем развитие в работах других исследователей (*Shuter* 1977; *Schefflen, Ashcraft* 1976; *Sussman, Rosenfeld* 1982; *Remland et al.* 1991, 1995). Современные представления о контактных и неконтактных культурах говорят о том, что эти понятия следует применять с исключительной осторожностью. Так, общение в культурах, относимых к неконтактным (например, в японской, китайской), часто идет на более близком расстоянии, чем в большинстве контактных культур. При этом японцы и китайцы избегают смотреть в глаза друг друга и избегают касаний (по крайней мере, в публичных местах).

Напротив, для такой контактной культуры, как итальянская, характерна интенсивная жестикуляция при общении, частые касания собеседника, однако расстояние, на котором происходит общение, может быть значительно большим, чем для англичан (неконтактная культура) (*Aiello* 1987; *Remland et al.* 1995). Некоторые данные о пространственном поведении в России позволяют говорить, что пространственное поведение в нашей культуре обладает некоторыми особенностями, понимание которых дает возможность регулировать границы межличностного взаимодействия с наибольшей пользой для индивида (*Борисова, Бутовская* 2004: 19; *Бутовская и др.* 2007: 324–350; *Феденок, Бутовская* 2008: 136–138).

Пол и возраст индивида являются значимыми факторами, влияющими на пространственное поведение. Минимальное расстояние наблюдается между двумя женщинами, среднее – в смешанной паре, максимальное – между двумя мужчинами (*Bell et al.* 2001; *Byrne et al.* 1970; *Aiello, Jones* 1971; *Evans, Howard* 1973; *Mehrabian, Diamonds* 1971). Расстояние между мужчиной и женщиной определяется степенью близости их отношений. Что касается возраста, нормы пространственного поведения развиваются у детей примерно в возрасте 45–63 месяцев или чуть позднее (*Duke, Wilson* 1973). В дальнейшем они претерпевают некоторые изменения по мере взросления – в пяти-

летнем возрасте размеры персональной дистанции у детей колеблются, после шести лет предпочитаемая персональная дистанция при общении начинает последовательно расти до 16 лет (*Aiello, Aiello 1974*). Указанные закономерности прослеживаются на кросс-культурном уровне (*Lerner et al. 1976*).

Наряду с вышеперечисленными характеристиками, на размеры персонального пространства влияют положение тел партнеров (*Altman, Vinsel 1977; Бутовская 2004: 236*), тактильные взаимодействия (*Andersen 1988; Remland et al. 1991; Shuter 1977*). Так, ориентация тела французов при общении более прямая (они часто стоят лицом друг к другу), чем у англичан и голландцев (*Remland et al. 1991*). Отличаются культуры и по количеству тактильных контактов, различия эти часто являются следствием разного культурного воспитания (*Ramsey 1979*). Многие исследователи описывают культуры Северной Европы и Северной Америки как тактильно неконтактные, а культуры Южной Европы и Латинской Америки – как контактные (*Hall, Veccia 1990*). Контактными следует считать также большинство африканских культур, представители которых при общении друг с другом активно пользуются прикосновениями, дотрагиваясь до рук и плеч собеседника (*Бутовская и др. 2008: 163*).

Социальное взаимодействие представителей культур с различными нормами пространственного поведения может быть не всегда удачным и приводить к неловким ситуациям. Этим обстоятельством могут объясняться разнообразные примеры напряженных отношений в межэтническом общении (*Hall 1963; Бутовская и др. 2007: 361–364*). Как показывают исследования этнопсихологов, в школах, где обучаются дети разных национальностей, с разными социокультурными установками и стереотипами, порой возникают этнические конфликты. Это приводит к размежеванию в классах на этнической почве: дети реже вступают в межэтнические контакты, у них меньше друзей среди одноклассников других национальностей, порой налицо откровенно агрессивное отношение между одноклассниками разных национальностей (*Лебедева и др. 2004: 96; Бутовская и др. 2007: 315–316; Мартынова 2007: 475–477*).

При условии, что люди будут знать, что такое персональное пространство и иметь представление о его межкультурных различиях (причем, необходимо давать эти знания уже в детском возрасте), они не будут воспринимать как угрозу слишком близкую дистанцию или как проявление неуважения более дальнюю дистанцию. Многие страны современного мира, в том числе и Россия, представляют собой многонациональные государства, и потому изучение персонального пространства является весьма актуальным. В наши дни этнический фактор становится чрезмерно выпуклым и приобретает особое значение как признак идентичности индивидов в школьных коллективах (*Лебедева и др. 2004*).

Целью нашего исследования было изучение особенностей пространственного поведения у детей и подростков во время свободного общения со сверстниками. Одной из задач работы было проведение кросскультурного анализа индивидуальной дистанции в двух этнических группах – русских и осетин. Мы предполагали выявить как универсальные, так и культурные особенности пространственного поведения на примере этих этнических групп. Кроме того, мы учитывали влияние таких немаловажных факторов, как пол и возраст.

Методы исследования.

В нашем исследовании приняли участие дети и подростки нескольких общеобразовательных школ в возрасте от девяти до 17 лет. Исследование проводилось в двух городах – Москве (Центральная Россия) и Владикавказе (Северный Кавказ, республика Северная Осетия-Алания). В результате наблюдений нами были зафиксированы взаимодействия 410 пар русских подростков и 401 пара осетинских подростков (всего 811 школьников). Мы использовали метод прямого этологического наблюдения за общающимися парами в естественной обстановке (во время перемен между уроками) и интервьюирование.

Такой метод имеет ряд преимуществ, поскольку предыдущие исследования, как правило, имели или экспериментальный характер (дистанция общения измерялась в искусственно созданных условиях), или способ фиксации расстояния вызывал определенные сомнения (анализ расстояния по видеосъемке, фиксация расстояния в ограниченном по размеру помещении, анализ расстояния между сидящими людьми, что изначально обусловлено положением сидячих мест и т.д.) (Gifford 1982: 147; Lenhart 1985: 331; Beaulieu 2004: 798–799). В нашем исследовании были зафиксированы следующие параметры: дистанция в парах (минимальная дистанция на уровне головы, торса и ног между участниками общения); ориентация тела в паре (лицом друг к другу, меньше чем 90 градусов, на одной линии, под углом 90 градусов, больше чем 90 градусов, спиной друг к другу); тактильные контакты (тип прикосновения, часть тела, к которому прикасаются, кто инициирует прикосновения). После наблюдения проводилось интервьюирование каждого участника общения по следующим вопросам: возраст, тип взаимоотношений (конфликтные, нейтральные, дружеские, близкие), тема и объект разговора. Все данные были обработаны с помощью программы SPSS (Бююль, Цёфель 2005).

Результаты исследования.

Результаты одномерного многофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) показали достоверное влияние факторов пола и возраста на дистанцию общения и у русских (пол: $F = 2,979$; $df = 2$; $p < 0,05$; возраст: $F = 2,338$; $df = 5$; $p = 0,04$), и у осетин (пол: $F = 6,286$; $df = 398$; $p = 0,002$; возраст: $F = 3,577$; $df = 297$; $p = 0,015$).

Гендерные различия дистанции общения у русских и осетин.

Для определения средней дистанции общения на уровне головы, торса и ног для пар девочек, мальчиков и смешанных пар с учетом фактора пола был проведен t-тест для независимых выборок (Independent-Samples T Test).

Расстояние при общении в парах мальчиков и девочек в Москве достоверно различается (табл. 1). Средняя дистанция составляет на уровне ног, соответственно, 22 и 17 см ($t = 2,991$; $n^{\text{♂}} = 126$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,003$), торса – 35 и 27 см ($t = -4,055$; $n^{\text{♂}} = 126$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,000$) и головы – 40 и 31 см ($t = -5,029$; $n^{\text{♂}} = 126$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,000$). Также были обнаружены достоверные различия при сравнении дистанции общения в смешанных парах и парах девочек: на уровне ног 26 и 17 см соответственно ($t = -4,523$; $n^{\text{♂♀}} = 67$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,000$), торса – 39 и 27 см ($t = -4,706$; $n^{\text{♂♀}} = 67$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,000$) и головы – 43 и 31 см ($t = -5,394$; $n^{\text{♂♀}} = 67$; $n^{\text{♀}} = 217$; $p = 0,000$). При сравнении пар мальчиков со смешанными парами расстояние различается, но не является значимым (на уровне ног средняя дистанция равна 22 и 26 см, торса – 35 и 39 см, головы – 40 и 43 см). Таким образом, мы можем заключить, что дистанция общения между московскими мальчиками значимо больше, чем между девочками на всех уровнях (голова, торс, ноги). В смешанных парах расстояние между общающимися в паре наибольшее.

Расстояние при общении в парах мальчиков и девочек во Владикавказе также достоверно различается (табл. 2). Средняя дистанция составляет на уровне головы – 32 и 27 см ($t = 3,275$; $n^{\text{♂}} = 125$; $n^{\text{♀}} = 237$; $p = 0,005$) и на уровне торса составляет 30 и 24 см ($t = 2,809$; $n^{\text{♂}} = 125$; $n^{\text{♀}} = 237$; $p < 0,001$), на уровне ног достоверных различий нет. Достоверно различается средняя дистанция общения в смешанных парах и парах девочек, составляет, соответственно, на уровне головы – 35 и 27 см ($t = -2,917$; $n^{\text{♂♀}} = 39$; $n^{\text{♀}} = 237$; $p = 0,005$), торса – 32 и 24 см ($t = -2,916$; $n^{\text{♂♀}} = 39$; $n^{\text{♀}} = 237$; $p = 0,004$) и ног – 25 и 19 см ($t = -2,504$; $n^{\text{♂♀}} = 39$; $n^{\text{♀}} = 237$; $p = 0,013$). Достоверных различий между парами мальчиков и смешанных пар не выявлено. Таким образом, осетинские девочки (также как и русские) общаются на меньшей дистанции, чем мальчики. Максимальной является дистанция общения в смешанных парах.

Таблица 1

Гендерные различия дистанции общения у русских школьников

Пары	Средняя дистанция на уровне головы, см	Значимость	Средняя дистанция на уровне торса, см	Значимость	Средняя дистанция на уровне ног, см	Значимость
O ₃ + O ₃ +O + O ₃	40	0,000	35	0,000	22	0,003
	31		27		17	
	40	NS	35	NS	22	NS
O ₃ + O ₃ +O + O ₃	43		39		26	
	31	0,000	27	0,000	17	0,000
	43		39		26	

NS – not significant (не значимо)

Таблица 2

Гендерные различия дистанции общения у осетинских школьников

Пары	Средняя дистанция на уровне головы, см	Значимость	Средняя дистанция на уровне торса, см	Значимость	Средняя дистанция на уровне ног, см	Значимость
O ₃ + O ₃ +O + O ₃	32	0,005	30	0,001	21	NS
	27		24		19	
	32	NS	30	NS	21	NS
O ₃ + O ₃ +O + O ₃	35		32		25	
	27	0,005	24	0,004	19	0,013
	35		32		25	

NS – not significant (не значимо)

Возрастные различия дистанции общения у русских и осетин.

Возраст является не менее значимым фактором, влияющим на пространственное поведение индивида, чем пол. Нормы пространственного поведения прослеживаются уже в возрасте 45–63 месяцев (Duke, Wilson 1973) и в дальнейшем претерпевают некоторые изменения по мере взросления. В нашем исследовании возрастная динамика дистанции общения также прослеживается. У русских школьников дистанция общения младшего (9–11 лет) и среднего (12–14 лет) возраста отличается не сильно во всех трех комбинациях – у мальчиков, у девочек и в смешанных парах. У девочек она даже снижается к среднему школьному возрасту, но по мере дальнейшего взросления дистанция общения начинает увеличиваться и к 15–17 годам достигает максимума (Рис. 1).

У осетинских школьников наблюдается несколько другая картина. Дистанция последовательно растет у осетинских мальчиков и в смешанных парах, но не у девочек (Рис. 2). Возможно, это связано с более ранним началом пубертатного периода у осетин. Интересно, что в старшем и младшем возрасте дистанция общения между девочками-осетинками является минимальной. Причина такого поведения может крыться в отличиях социализации осетинских девочек, обусловленной культурными традициями, и большими гендерными различиями в осетинской культуре в целом.

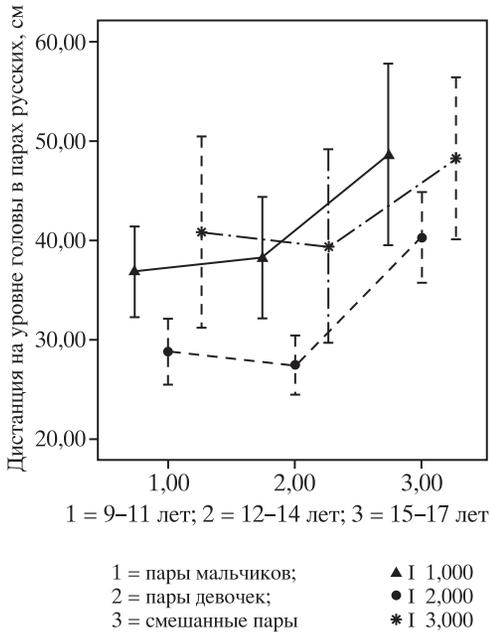

Рис. 1. Возрастная динамика дистанции общения на уровне головы у русских школьников

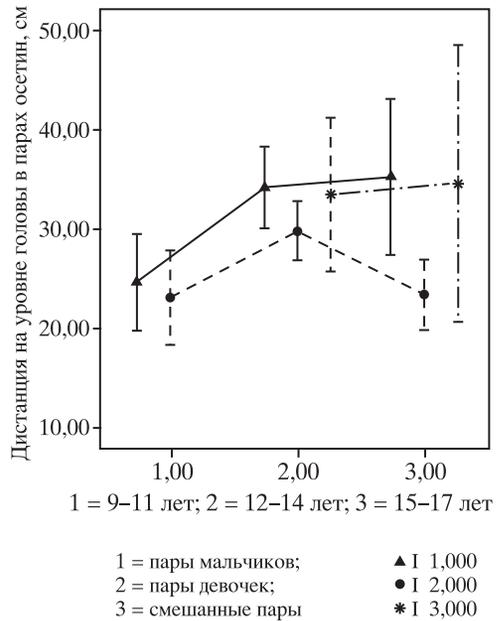

Рис. 2. Возрастная динамика дистанции общения на уровне головы у осетинских школьников

Кросскультурный анализ пространственного поведения.

Результаты непараметрического U-теста по методу Манна и Уитни (Mann-Whitney) показали достоверное влияние фактора этничности на дистанцию общения на уровне головы ($Z = -5,38$; $p = 0,000$) и торса ($Z = -36,279$; $p = 0,001$).

При сравнении пространственного поведения в парах мальчиков Москвы (n_1) и Владикавказа (n_2) выявлены достоверные культурные различия дистанции общения на уровне головы и торса. Средняя дистанция на уровне головы составляет, соответственно, 40 и 32 см ($t = 3,789$; $n_1 = 126$; $n_2 = 125$; $p = 0,000$), на уровне торса – 35 и 30 см ($t = 2,057$; $n_1 = 126$; $n_2 = 125$; $p = 0,041$). На уровне ног нет достоверных отличий. Таким образом, русские мальчики общаются на большей дистанции, чем осетины. Это характерно для всех возрастов (Рис. 3). Наименьшие культурные различия приходятся на возраст 12–14 лет.

В парах девочек с учетом фактора этничности были выявлены следующие закономерности в пространственном поведении (Рис. 4). В Москве (n_1) и Владикавказе (n_2) достоверно отличается только дистанция на уровне головы в парах девочек, которая составляет, соответственно, 31 и 27 см ($t = -2,653$; $n_1 = 217$; $n_2 = 237$; $p = 0,008$). На уровне торса и ног нет достоверных отличий. Налицо и разные тенденции возрастных изменений дистанции общения у русских и осетинок – с возрастом эта дистанция сначала снижается, а потом увеличивается у московских школьниц, тогда как у осетинок наоборот – сначала увеличивается, потом уменьшается. Наименьшие культурные различия, также как у мальчиков, наблюдаются в 12–14-летнем возрасте, и в данном возрасте русские девочки общаются даже на меньшей дистанции, чем осетинские.

В смешанных по полу парах достоверные культурные различия выявлены только для дистанции на уровне головы, которая составляет, соответственно, 43 и 35 см ($t = 2,275$; $n_1 = 67$; $n_2 = 39$; $p = 0,025$). Но эти различия могут быть случайными, поскольку количество случаев недостаточно (Рис. 5).

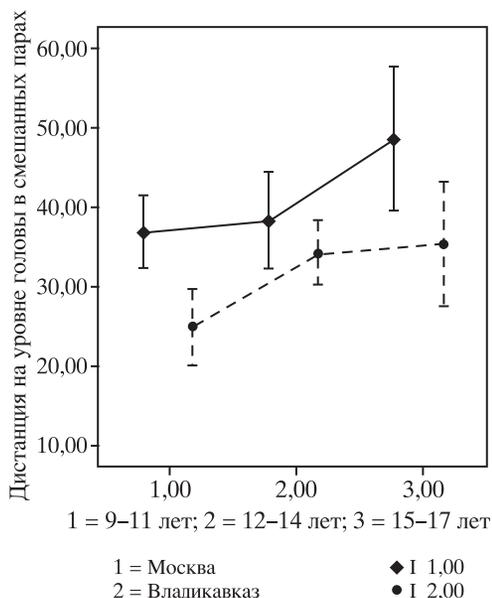

Рис. 3. Дистанция на уровне головы в парах мальчиков разного возраста (русские и осетины)

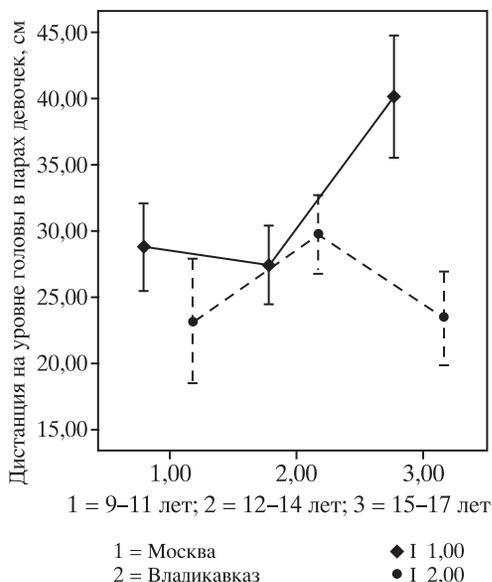

Рис. 4. Дистанция на уровне головы в парах девочек разного возраста (русские и осетины)

Взаимная ориентация тела в пространстве у русских и осетин.

Во время общения в паре дети и подростки ориентировались в пространстве следующим образом (Рис. 6–8). Ориентация тела в парах мальчиков достоверно различается в Москве (n1) и Владикавказе (n2) ($t = -2,848$; $n1 = 126$; $n2 = 125$; $p < 0,005$). Русские мальчики чаще всего стоят лицом друг к другу или под углом 90° , тогда как у осетин чаще всего встречается позиция на одной линии. Так же как и русские мальчики, они часто выбирают и позицию лицом к лицу. Ориентация тела под углом более 90° используется с одинаковой частотой и московскими и владикавказскими школьниками. Интересно, что позиция “один позади другого” не встречается ни разу у осетинских школьников в отличие от русских (Рис. 6).

У девочек также найдены достоверные культурные различия ориентации тела в пространстве в Москве и Владикавказе ($t = -3,945$; $n1 = 217$; $n2 = 237$; $p < 0,000$). Русские девочки чаще всего

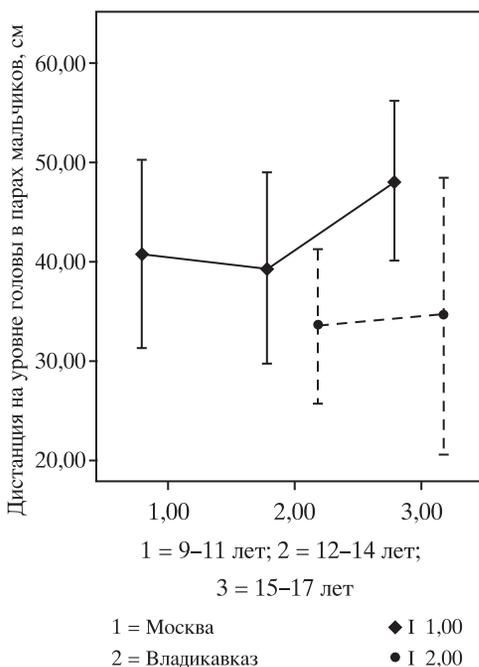

Рис. 5. Дистанция на уровне головы в смешанных парах разного возраста (русские и осетины)

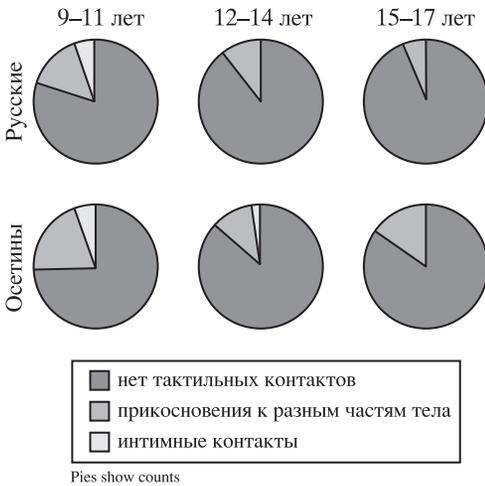

Рис. 9. Тактильная коммуникация в парах мальчиков

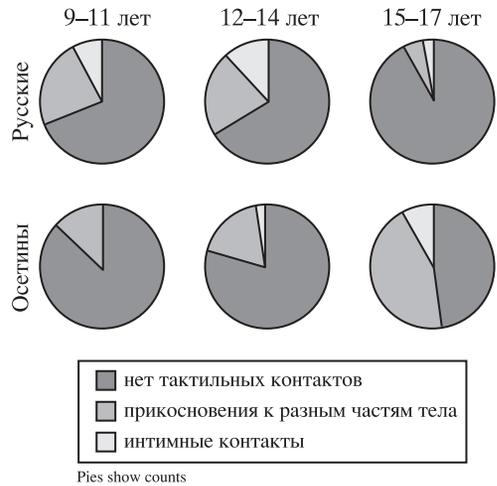

Рис. 10. Тактильная коммуникация в парах девочек

(объятия, близкий контакт телом, шутливая драчливость, поцелуи) совсем исчезают в обеих этнических группах.

Тактильная коммуникация у девочек сильно варьирует в зависимости от этничности (Рис. 10). У русских школьниц количество прикосновений резко уменьшается к 15–17 годам, тогда как у осетинок наоборот – по мере взросления девочки чаще прикасаются друг к другу, в том числе растет и частота интимных контактов.

В смешанных парах ситуация прямо противоположная – по количеству тактильных контактов русские школьники намного превосходят своих сверстников из Осетии. С возрастом частота прикосновений увеличивается, как у московских, так и владикавказских школьников (Рис. 11).

Обсуждение.

Результаты нашего исследования позволяют выявить как универсальные для обеих культур закономерности пространственного поведения, так и культурно-специфические. Так, и у русских, и у осетин дистанции общения в парах мальчиков всегда больше, чем в парах девочек. Эти данные согласуются с многочисленными данными по разным культурам (*Byrne et al.* 1970; *Burgoon et al.* 1989; *Patterson, Edinger* 1987; *Aiello* 1987; *Barnard, Bell* 1982; *Hayduk* 1983). Обнаруженные различия в целом связаны с более affiliативным, эмоциональным и контактным поведением женщин в обществе по сравнению с мужчинами (*Eakins, Eakins* 1978; *Бутовская* 2004: 230). Гендерные роли способствуют тому, что женщины устанавливают более тесную пространственную близость с другими, и как мы видим, способность эта проявляется уже в детстве. В классических исследованиях по проксемике (науке о личном и общественном пространстве и восприятию его человеком) также доказано, что дистанция между двумя женщинами определяется взаимной симпатией, тогда как в паре мужчин эта связь отсутствует (то есть дистанция между мужчинами не определяется отношениями дружбы) (*Byrne et al.* 1970; *Бутовская* 2004: 229).

В отличие от данных западных ученых, в нашем исследовании дистанция общения являлась максимальной в смешанных парах, тогда как в других работах таковой являлась дистанция между мужчинами. Такое “несоответствие” можно объяснить маленьким количеством выборки по смешанным парам. В смешанных парах расстояние при общении зависит от качества отношений между взаимодействующими партнерами,

пары, находящиеся в близких отношениях, общаются на наименьшем расстоянии (Бутовская 2004: 230). В нашем случае, в силу возраста респондентов, таких пар было очень мало, а при отсутствии близких отношений, партнеры разного пола общаются на большей дистанции (таких пар в нашей выборке было основное количество). Кроме того, мы располагаем данными по пространственному поведению в среде московского студенчества, согласно которым максимальная дистанция наблюдается в парах мужчин (Борисова, Бутовская 2004: 15), следовательно, с возрастом наибольшей дистанцией становится дистанция общения между мужчинами.

Что касается возрастных изменений персонального пространства, в нашем исследовании дистанция общения увеличивается с возрастом во всех случаях, кроме пар осетинских девочек. Эти данные согласуются с результатами других исследователей, которые наблюдали последовательный рост предпочитаемой персональной дистанции после 6 и до 16 лет (Aiello, Jones 1974; Aiello 1987). Исключением из этого правила стали осетинские девочки – с 12–14 лет дистанция общения среди них уменьшается. Возможно, причина такого поведения кроется в отличиях социализации осетинских девочек (большей интимности между девочками в определенном возрасте, большим количеством запретов по сравнению с русскими девочками), обусловленных культурными традициями.

Известно, что различия в индивидуальной дистанции могут объясняться правилами социализации – мужчины во всех культурах воспитываются как более сильный пол, и это заставляет их вести себя более независимо и самостоятельно по сравнению с женщинами (Бутовская 2004: 230). В кавказских культурах такие полоролевые установки ещё более выражены (Дзуцев, Бесаева 1994: 68–74). На Кавказе, в том числе и у осетин, наряду с мужскими союзами и объединениями существовали и женские объединения, в частности девичьи. Часто организовывались женские посиделки, на которых собирались представительницы тех или иных возрастных групп. Как правило, в таких мероприятиях девочки начинали участвовать с 12–13 лет. У осетин среди девушек существовал даже особый “девичий язык”, с помощью которого они могли скрытно общаться в присутствии юношей (Хетагуров 1974: 255; Карпов 2001: 53–55; Дзадзиев 1980: 139–141; Уарзиатти 1995: 184).

Культурная специфика пространственного поведения нашла свое выражение и в общих различиях дистанции общения – русские мальчики и девочки общаются на большей дистанции, чем осетины. Средняя дистанция на уровне торса для русских школьников составила 33,6 см, тогда как для осетин 28,7 см. Заметим, что в исследовании московского студенчества эта дистанция составила уже 41 см (Борисова, Бутовская 2004: 19). По этому параметру русская культура попала в категорию “неконтактных”. Что касается осетин, исследования по пространственному поведению взрослых пока не проводились, и отнести её к одному из типов только по результатам наблюдений за детьми и подростками не представляется нам правильным. В любом случае мы можем заключить, что осетины демонстрируют более “контактный” стиль пространственного поведения по сравнению с русскими.

Полученные нами данные дополняют представления о такой важной составляющей пространственного поведения, как ориентация тела при общении с собеседником.

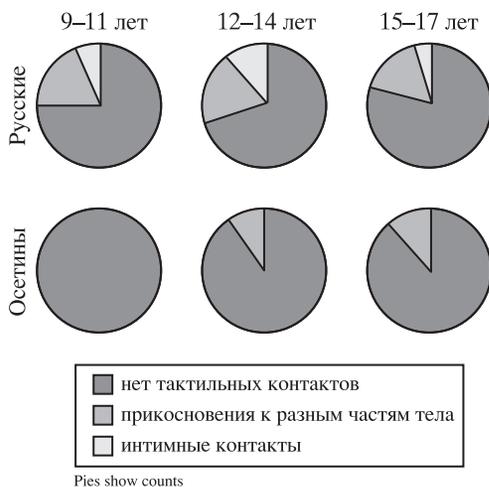

Рис. 11. Тактильная коммуникация в смешанных парах

Данные других авторов показывают, что взаимная ориентация тела партнеров отличается в разных культурах (*Shutter 1977; Remland et al. 1995*). К примеру, в английской, греческой и итальянской культурах собеседники более прямо ориентированы друг к другу по сравнению с шотландской и датской. При сравнении наших выборок было выявлено, что в Москве партнеры наиболее часто прямо ориентированы друг к другу, что подтверждает полученные ранее данные (*Борисова, Бутовская 2004: 15*). В Владикавказе партнеры чаще всего взаимодействуют, стоя на одной линии по отношению друг к другу или лицом к лицу, но никогда они не располагаются один позади другого. Видимо, здесь мы можем говорить о культурной специфике пространственного поведения осетин – позиция одного партнера позади другого подразумевает некоторую интимность, проявление которой недопустимо по нормам общекавказского этикета. Такие близкие отношения не принято выставлять на показ. В том случае, когда малознакомый мужчина становится позади женщины, это может восприниматься окружающими как сексуальное домогательство. Кроме того, многие мужчины подсознательно опасаются быть вовлеченными в гомосексуальные отношения, ведь близкая дистанция с представителями своего пола у мужчин также ассоциируется с интимностью, тогда как для женщины – нет (*Crawford, Unger 2000; Бутовская 2004: 231; Буркова 2009: 122–123*).

Известно, что тактильная коммуникация варьирует от культуры к культуре и является следствием разного культурного воспитания (*Ramsey 1979*). В нашем исследовании по этому параметру осетины и русские демонстрируют и возрастные, и культурные различия. В среднем, в парах девочек партнеры касаются друг друга чаще, чем в парах мальчиков, особенно это касается осетинок старшего возраста. Как говорилось выше, это может быть следствием разной социализации мальчиков и девочек и боязнью мужчин быть вовлеченными в гомосексуальные отношения. Женщины редко избегают тактильных контактов с представителями своего пола и в целом чувствуют себя более комфортно в ситуациях общения (*Бутовская 2004: 231*). Интересно, что у осетинок количество прикосновений при общении со своим полом увеличивается с возрастом, а у русских сверстниц уменьшается. Это, видимо, можно объяснить возрастными изменениями в социализации девушек. Начиная с 12–14 лет, осетинки все активней вовлекаются в круг сверстниц, делясь с ними своими эмоциональными переживаниями, тогда как у русских девушек в старшем возрасте интенсивность контактов, в том числе и тактильных, направлена на противоположный пол.

В кавказской же культуре отношения между полами регламентированы намного строже и существует ряд ограничений, которые не следует нарушать. Кроме того, именно в этом возрасте в традиционной практике происходило разделение социальной жизни детей – мальчики перебирались в мужскую часть дома, общие игры запрещались, девочкам нельзя было оставаться одним с лицами противоположного пола (*Буркова 2009: 122–123; Дзуцев, Бесаева 1994: 68–74; Карпов 2001: 32, 53–55*). В современном обществе многие из этих запретов сохраняются – дети выходцев с Кавказа часто отмечают, что на родине девочки не могут свободно общаться с мальчиками – сидеть вместе, разговаривать на личные темы, гулять (*Бутовская и др. 2007: 354*).

В нашем исследовании особенно четко эти различия видны при сравнении количества контактов в смешанных парах (Рис. 11) – среди русских оно гораздо больше, чем среди осетин. Интересно, что при общении мальчиков у осетин тактильные взаимодействия гораздо активней. Это также следствие культурных норм и представлений. В осетинской традиции мужчины обязательно обнимаются при встрече и жмут друг другу руки, тогда как в русской традиции мужские объятия при встрече не столь часты и скорее зависят от степени близости отношений. По этому показателю осетинская культура однозначно попадает в категорию “контактных” по классификации Э. Холла.

В заключении хотелось бы еще раз отметить важность изучения невербальной коммуникации в целом, и пространственного поведения в частности. Как показывают наши результаты и работы других исследователей, существуют как универсальные, так и культурные особенности невербального поведения. И зачастую, более значимыми становятся последние, особенно в условиях межкультурного взаимодействия. Именно культурные различия в правилах демонстрации невербального поведения могут приводить к серьезным конфликтам в полиэтничных коллективах. Во многих случаях напряженные ситуации возникают в результате неверного истолкования невербального поведения представителя другой культуры, а не в результате реально нанесенного им оскорбления. Это особенно актуально в современном мире, где население городов составляют выходцы из разных этнических групп.

Примечание

Выражаем огромную признательность всем директорам, учителям и ученикам Москвы и Владикавказа за помощь в проведении исследования и гостеприимство; Тезиеву Олегу и Дзадзиеву Александру за помощь в организации исследования в Северной Осетии; Тезиеву Таймуразу за помощь при сборе данных в Осетии; Веселовской Е.В. за помощь при сборе данных в Москве.

Особую благодарность выражаем гимназии № 5 (директору Белогурову Ю.А., завучу Брычевой С.В.) и школе № 29 (директору Беляеву В.С.) г. Владикавказа.

Литература

- Борисова, Бутовская 2004 – Борисова Л.В., Бутовская М.Л. Пространственное поведение в современной русской городской культуре: возрастные и гендерные аспекты // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования. М., 2004. С. 13–20.
- Буркова, Бутовская 2008а – Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Агрессия, доминантный статус и индивидуальная дистанция у российских подростков (на примере русских и осетин) // Человек в прошлом и настоящем: поведение и морфология. По материалам IV летней школы в РГГУ (19–20 июня 2007) “Поведение человека в настоящем и будущем” / Отв. ред. М.Л. Бутовская. М., ИЭА РАН, 2008. С. 131–148.
- Буркова, Бутовская 2008б – Буркова В., Бутовская М. Персональное пространство и агрессивное поведение у российских подростков: этологический анализ // Развитие личности. М., 2008. № 3. С. 119–135.
- Буркова В. 2009 – Буркова В. Табуирование частей тела в традиционной культуре осетин // Междунар. науч.-практ. конф. “Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа”. 28–29 апреля 2009 г. Тез. док. М., 2009. С. 122–123.
- Бутовская, Плюснин 1995 – Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека / Под ред. И.М. Золотаревой. М., 1995.
- Бутовская 2004 – Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004.
- Бутовская и др. 2007 – Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтничных школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под. ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 314–366.
- Бутовская и др. 2008 – Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Драмбян М.Ю. Церемония прижигания ребенка как инициация включения у датого северной Танзании // Вест. РГНФ. № 1 (50). 2008. С. 163–173.
- Бююль, Цёфель 2005 – Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. М., 2005.
- Дзадзиев 1980 – Дзадзиев А.Б. Некоторые формы проведения свободного времени осетинскими женщинами в конце XIX – начале XX в. // Вопр. осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. Т. 36. Вып. 1.

- Дзуцев, Бесаева 1994 – Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.
- Карпов 2001 – Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
- Лебедева и др. 2004 – Лебедева Н.М., Лулева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. Уч. пос. М.: “Привет”, 2004.
- Мартьянова 2007 – Мартьянова М.Ю. Поликультурная Москва и этнокультурные аспекты модернизации школьного образования // Молодежь Москвы... С. 472–508.
- Тлегенова 1990 – Тлегенова Г.А. Влияние агрессивности на проксемические характеристики невербального поведения: Дипломная работа. Кафедра социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского ун-та. 1990.
- Уарзиатти 1995 – Уарзиатти В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
- Феденок и др. 2008 – Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Возрастная динамика индивидуальной дистанции и тактильной коммуникации: привязанность, пол и культура // Вест. НГУ. Т. 2. Вып. 2. Новосибир., 2008. С. 136–139.
- Хетагуров 1974 – Хетагуров К.Л. Особа // Собр. соч. в 3 т. Т. 2. М., 1974.
- Aiello 1987 – Aiello J.R. Human spatial behavior // *Handbook of Environmental Psychology* / Eds. D. Stokols, I. Altman. NY. Vol. 1. 1987. P. 505–531.
- Aiello, Jones 1971 – Aiello J.R., Jones S.E. Field study of the proxemic behavior of young school children in three subcultural groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. Vol. 19. P. 351–356.
- Aiello, Aiello 1974 – Aiello J.R., Aiello T. The development of personal space: proxemic behavior of children from 6 to 16 // *Human Ecology*. 1974. Vol. 2. P. 177–189.
- Altman, Vinsel 1977 – Altman I., Vinsel A.M. Personal space: an analysis of E.T. Hall proxemics framework // *Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research* / Eds. I. Altman, J. Wohlwill. 1977. Vol. 1. P. 181–259.
- Altman, Chemers 1980 – Altman I., Chemers M. Culture and environment. Monterey. Calif.: Brooks/Cole, 1980.
- Andersen 1988 – Andersen P.A. Explaining intercultural differences in nonverbal communication // *Intercultural communication: a reader* / Eds. L.A. Samovar, R.E. Potter. Belmont, CA. 1988. P. 272–281.
- Barnard, Bell 1982 – Barnard W.A., Bell P.A. An unobtrusive apparatus for measuring interpersonal distance // *Journal of General Psychology*. 1982. Vol. 107. P. 85–90.
- Beaulieu 2004 – Beaulieu A.M.J. Intercultural Study of Personal Space: A Case Study // *Journal of Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 34. P. 794–805.
- Bell et al. 2001 – Bell P.A., Greene T.C., Fisher J.D., Baum A. *Environmental Psychology*. Philadelphia, 2001.
- Burgoon et al. 1989 – Burgoon J.K., Buller D.B., Woodall W.G. *Nonverbal communication: the unspoken dialogue*. NY, 1989.
- Byrne et al. 1970 – Byrne D., Ervin C.B., Lamberth J. Continuity between the experimental study of attraction and real life computer dating // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 16. P. 157–165.
- Crawford, Unger 2000 – Crawford M., Unger R. *Women and gender: a feminist psychology*. NY, 2000.
- Duke, Wilson 1973 – Duke M.P., Wilson J. The measurement of interpersonal distance in pre-school children // *Journal of Genetic Psychology*. 1973. Vol. 123. P. 361–362.
- Eakins, Eakins 1978 – Eakins B.W., Eakins R.G. *Sex differences in human communication*. Boston, 1978.
- Evans, Howard 1973 – Evans G.W., Howard H.R.B. A methodological investigation of personal space // *Environmental design: research and practice* / Ed. W.J. Mitchell. Los Angeles, 1973.
- Gifford 1982 – Gifford R. Projected Interpersonal Distance and Orientation Choices: Personality, Sex and Social Situation // *Social Psychology Quarterly*. 1982. Vol. 45. № 3. P. 145–152.
- Hall 1959 – Hall E.T. *The silent language*. NY: Anchor, 1959.
- Hall 1963 – Hall E.T. A system for the notation of proxemic behavior // *American Anthropologist*. 1963. Vol. 65. P. 1003–1026.

- Hall, Veccia 1990 – Hall E.T., Veccia E.M. More “touching” observations: new insights on men, women and interpersonal touch // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59. P. 1155–1162.
- Hammes 1962 – Hammes J.A. The personal distance effect as a function of esthetic stimulus, anxiety and sex // *Journal Clinical Psychology*. 1962. P. 353–354.
- Hayduk 1983 – Hayduk L.A. Personal space: where we now stand // *Psychological Bulletin*. 1983. Vol. 94. P. 293–335.
- Kline et al. 1984 – Kline L.M., Bell P.A., Babcock A.M. Field dependence and interpersonal distance // *Bulletin of Psychonomic Society*. 1984. Vol. 22. P. 421–422.
- Lenhart 1985 – Lenhart R.E. The Effects of Distance between Interactants and subject anxiety on conjugate lateral eye movements // *Brain and cognition*. 1986. Vol. 4. P. 328–337.
- Lerner et al. 1976 – Lerner R.N., Iwawaki S., Chirara T. Development of interpersonal space schemata among Japanese children // *Developmental Psychology*. 1976. Vol. 12. P. 466–467.
- Mehrabian, Diamond 1971 – Mehrabian A., Diamond S.G. Seating arrangement and conversation // *Sociometry*. 1971. Vol. 34. P. 281–289.
- Patterson, Edinger 1987 – Patterson M.L., Edinger J.A. A functional analysis of space in social interaction // *Nonverbal behavior and communication* / Eds. A.W. Siegman, S. Feldstain. Hillsdale, NJ; Erlbaum. 1987. P. 523–561.
- Ramsey 1979 – Ramsey S.J. Nonverbal behavior: an intercultural perspective // *Handbook of intercultural communication* / Eds. M.K. Asante, E. Newmark, C.A. Blake. Beverly Hills, CA, 1979. P. 105–143.
- Remland et al. 1991 – Remland M.S., Jones T.S., Brinkman H. Proxemic and haptic behavior in three European countries // *Journal of Nonverbal Behavior*. 1991. Vol. 15. P. 215–232.
- Remland et al. 1995 – Remland M.S., Jones T.S., Brinkman H. Interpersonal distance, body orientation and touch: effect of culture, gender and age // *Journal of Social Psychology*. 1995. Vol. 35. P. 281–295.
- Schefflen, Ashcraft 1976 – Schefflen A.E., Ashcraft N. Human territories: how we behave in space-time. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1976.
- Shuter 1977 – Shuter R. A field study of nonverbal communication in Germany, Italy. and the United States. *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. P. 298–305.
- Sussman, Rosenfeld 1982 – Sussman N.M., Rosenfeld H.M. Influence of culture, language, and sex on conversational distance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 42. P. 66–74.

V.N. Burkova, Y.N. Fedenok, M.L. Butovskaya. Spatial Behavior of Children and Adolescents (the Cases of Russians and Ossetians)

Keywords: spatial behavior, personal distance, body position, tactile contacts, cross-cultural differences in spatial behavior, gender differences in spatial behavior, age differences in spatial behavior

The article contributes to the research on spatial behavior by undertaking a case study of Russian and Ossetian children and teenagers. The article focuses on the ways the children and teenagers behave while they communicate in their spare time, and makes an attempt at a cross-cultural analysis of the personal distance among the representatives of the two ethnic groups. The authors outline the presence of both the universal and the cultural traits characterizing the communication distance. They further analyze the part that gender and age play in influencing the distance, and discuss the relevance of the conducted study to the better theoretical understanding of spatial behavior as a phenomenon.